

УДК 1(091)

РЕАБИЛИТАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ Н. В. ГОГОЛЕМ

П. Е. Вахренева

Международный институт компьютерных технологий

Поступила в редакцию 4 июня 2014 г.

Аннотация: *в статье анализируется проблема индивидуального существования человека, которая становится центральной в классике Серебряного века русской философии. Человек рассматривается как центр всех преобразований в обществе, а его назначение – как «служение глубине жизни».*

Ключевые слова: *индивидуальное существование, субъективность, долг, Н. В. Гоголь.*

Abstract: *the study is concerned with the phenomenon of man's individual existence. A major issue in the classics of Silver Century of Russian Philosophy. Man is claimed as the centre of social change and his main purpose as «services in the depths of life».*

Key words: *individual existence, subjectivity, duty, N. V. Gogol.*

Вспомним слова В. В. Набокова о Н. В. Гоголе: «Без единой капли крови этот Агамемнон без армии один осуществил три революции сразу: отмену крепостного права, революцию мировоззрения и социальную революцию» [1, с. 341]. К этому можно добавить, что Н. В. Гоголь выдвинул *новый критерий социального развития – индивидуальное творчество души*, – выделив при этом среди всех социальных начал как *«самое главное определяющее качество – умение соединять людей»*, которое сегодня, между прочим, выглядит как *критерий роста и дееспособности самого ядра социальности – души*.

Выделение индивидуального творчества души как критерия социального развития становится особенно важным, если вспомнить, что все способности к сосуществованию тоже не заданы генетикой. Такие начала, как альтруизм, соборность, коллективизм, коммуникабельность, умение любить, способность дружить, понимать другого, – формируемые социальные качества. Они и определяют способы соединения душ, поля социального взаимодействия. Поскольку поле – материальный носитель взаимодействия, то становится понятной необходимость созидания самого этого носителя социального взаимодействия. Не случайно поэтому после Гоголя все формы общественного сознания переподчиняются задачам социального развития. Не случайно после гоголевской критики культурных стереотипов веры развернется полемика об изменении представлений о божественном назначении человека. Начнутся споры об историзме Христианства, Православия и нравственных начал. Это после Гоголя начнутся разговор о необходимости демократизации церкви, поиск ин-

индивидуального способа веры и высшей нравственности, выразившейся потом в абсолютах смысловой организации личности, таких как любовь, добро, соборность, творчество, свобода, красота, всеединство, всемирность. «Он, фактически, вплотную подошел к основным темам русской религиозной философии», – заметит о нем В. Зеньковский и пророчески добавит, что «такие творцы, как Гоголь, по своему значению в истории слова, подобны Святым отцам в Православии XVI века, и поэтому можно без преувеличения назвать его Пророком и философом православной культуры. Ибо единственным условием возрождения России он считал ее духовное возрождение» [2, с. 232]. И. Ильин отметит, что именно «Гоголь первым осознал опасность трагической гибели религиозно-нравственного направления, которым проникнута вся русская литература» [3, с. 436]. Скорее всего, именно с этой опасностью и был связан поспешный, не объяснимый даже для исследователей творчества писателя, отъезд за границу. Иначе его могла ожидать участь Пушкина и Лермонтова. Однако гоголеведение об этом почему-то и сегодня молчит.

После Гоголя возникнет движение умов, впоследствии названное Серебряным веком русской религиозной философии, которая весь свой поиск сосредоточит вокруг проблем человека, поднятых Гоголем. Через соединение сверхусилий и сверхумов Серебряным веком рождена и продолжена будет матрица социальности, которая определила, определяет и будет определять дальнейший культурный код человекообразования в истории России. Именно этот код сегодня является залогом и условием не распада личности в истории, а началом ее освобождения от зависимости перед временем.

Если выстроить шаги соединенного духовного поиска, начавшегося после Гоголя, определившего универсальные критерии самостояния человека в истории, то горизонты литературы сразу расширяются, концентрируя свои круги вокруг человека. Вся литература сразу превращается в синтетическую форму личностной философии, в центре которой уже не просто вопросы языка, слова, речи, рациональной организации сознания, но все проблемы исторической организации личности, способной продолжить историю. Поистине «одни только мутят воду, другие поднимают волну в истории», как в науке выразился Э. Резерфорд. Полагаем, Гоголь как раз поднимал такую историческую волну.

В результате этой беспримерной, невероятно трудной исторической работы вся классика Серебряного века русской философии становится уникальным средством индивидуального формирования личности, выступая ядром общественного сознания при сохранении его непринужденных форм, она открывает человеку действительное бытие. Нравственное требование не закон. Хочешь, живи, как Плюшкин, Ноздрев или Коробочка, но тогда тебя ждет их участь.

Считается, что политическая мысль Гоголя носила консервативный характер. Такое мнение возможно от того, что все вопросы жизни – бытовые, общественные, государственные, литературные – имели для Го-

голя религиозный смысл. По этому поводу заметим следующее. Теория общества давно уже не исключает ретроспективные методы. Скорее наоборот, сохраняет, выстраивая на их базе антропологические подходы, исправляя и обновляя историческую онтологию социальных начал, изучая кризисные явления в различных формах общественного сознания, связанные с выпадением человека из объектных подходов. Она стремится усилить роль человека в истории, уделяя особое внимание достижениям исторических методов работы над человеком, среди которых, в частности, этика и Православие. Это и есть образец соборного самостояния Гоголя.

Только теперь становится ясно, что, принимая существующий порядок вещей, Гоголь стремился к изменению общества через преобразование человека. *Человек* для него был центром всех преобразований. Он понимал, что «брожение умов не исправить никакими конституциями», ибо общество не образуется само собою. «Общество слагается из единиц. Надо, чтобы каждая единица исполнила *должность* свою!» [4, с. 213]. Не случайно, характеризуя век русского просвещения, он сформулирует назначение литературы как «Служение глубине жизни». Так рождается *«Философия Долга»*. *Долг* и стал для Гоголя основным методом достижения Святости, определяющим Судьбу России.

Действенность этой философии Гоголь честно проверил и на себе, принимая Долг как служение и замыкая исторические проблемы Судьбы России на себя.

Анализ биографии и творчества Гоголя показывает, что почти все свои открытия в этой философии Долга и Служения Гоголь *проверял на себе*. Возможно, оттого в литературе много свидетельств его странностей, эгоцентризма, сосредоточенности на себе, а характеристики самого Гоголя выглядят иногда достаточно субъективно и односторонне. Оттого трудно представить, как чрезвычайные ранимость и нонконформизм могли уживаться в одном человеке. Справедливости ради надо отметить, что были современники Гоголя, которые относились к его нонконформизму с пониманием. Так, у П. В. Анненкова находим: «Самое великое событие в человеке происходит наедине с собой. В толпе, массе даже мудрые превращаются в номера, отдельные особи, части, винтики. Возможно, то, что иногда выдают за болезнь Гоголя, было его способностью самоуглубляться, почти до пароксизмов раздумья» [5, с. 34]. И Аксаков свидетельствует, что окружающие Гоголя чрезвычайно берегли это его уединение, предчувствуя за ним тяжелую многослойную внутреннюю работу. Да и сам он даже свой отъезд из России объяснял нежеланием слиться с другими: «Только там, за границей [в Риме] она [Россия] предстает мне вся, во всей своей громаде» [4, с. 112]. Там, в уединении, он нес свою службу ей и продолжал искать пути разрешения социальных и нравственных проблем России.

Вместе с тем любовь к уединению, интровертированность сочетались в нем с умением ладить с очень разными людьми, нежной привязанностью к ним. Среди них были: независимый А. С. Пушкин и ранимый

Н. Я. Данилевский; уравновешенный П. А. Плетнёв и прекраснотушнейший В. А. Жуковский; несобранный «растеряша» М. П. Погодин, педант С. П. Шевырёв и «способный залюбить насмерть», по выражению самого Гоголя, К. С. Аксаков; А. К. Толстой; А. М. Щепкин; Н. Я. Прокопович, и др. В этом тоже видится какая-то недосказанность и тайна. Как не совпадающий ни с кем «нонконформист» Гоголь умудрялся находить общий язык со всеми этими весьма не простыми людьми?

Тайна приоткрывается, если послушать самого Гоголя, который столь широкий круг общения пояснял принципиально просто: *«Я умел уважать их достоинства! Я умел воспользоваться тем, что каждый из них в силах был дать мне. Для этого у меня всегда был ум, многосторонность и желание воспитываться (впитывать в себя). Хотя при этом я никому не навязывал свою дружбу, ни от кого не требовал жить со мной душа в душу, разделять мои мнения»* [4, с. 151]. И далее находим опять проверенный Гоголем на себе жизненный принцип: *«Любить мы должны всех по достоинствам, но все движения нашего сердца и души поверять только Богу»* [там же, с. 152]. Здесь видно, что Бог и был для православного Гоголя той положительной высотой, с которой он созерцал убожество действительной жизни, идеалом, который критика ищет и никак не может найти в наследии непримиримого писателя. Тяга к людям в нем сочеталась не только с колоссальной вместимостью чужих достоинств, с вместимостью Бога и божественных начал, но и с ориентацией на себя.

Стояние в себе, неманипулируемость определялись, думается, главной целью: найти начала божественной жизни в человеке. В этом «стоянии», пожалуй, и была тайна магнетизма Гоголя, что современная философия человека связывает не с имманентной заданностью (западная философия), а с «полнотой души» [6; 7].

В свете опыта самостояния и общения Гоголя обратимся к «Авторской исповеди», где он пишет: *«Самое главное человеческое качество: умение соединять людей!»*. Многозначительность высказывания состоит в том, что оно иллюстрирует не только важнейшее человеческое качество, определяющее прежде всего потенциал личности, не просто принцип существования, от которого зависит значимость личности в истории и прочность ее этического ядра, но и, еще шире, *критерий социальности – «самое главное человеческое качество»*, по словам Гоголя. Если вспомнить, что таблицы человеческих качеств, подобно таблице Менделеева в химии, пока нет, как нет критериев социальности ни в антропологии, ни в психологии, ни в социологии, то *выделение этого критерия социальности мы также должны признать потрясающим неочевидным открытием Гоголя*. Всё, что не соединяется, распадается: жизнь, отношения, другие социальные начала, качественность бытия. Всё крепнет в момент разумного соединения и гибнет от неумения соединять.

Поясняя потенциальность критического взгляда Гоголя на людей, обладающих лишь «видимостью жизни», А. Труайя замечает: «Люди эти

– недочеловеки, занимают своим никчёмным существованием место, где высоким смыслом бытия требовалось бы совершенно другое». Отсюда сарказм, неуступчивость, непримиримость Гоголя.

Заметим, что до Гоголя критика одномерных персонажей – «элементалей» – была и у Д. И. Фонвизина, и у И. А. Крылова, и у А. С. Пушкина. Однако, выстроив их в ряд, где каждый персонаж отрицал предыдущего, Гоголь впервые заставил отшатнуться от них навсегда! Когда же критика попыталась обвинить его в слишком критическом отношении к людям, он успокоил всех сразу, объяснив: «...Все *мои* персонажи – это *мои* недостатки. Выставляя их на всеобщий суд, я избавлялся от них навсегда!». Думается, это был своего рода подвиг распятия, в котором второй раз после Христа в истории человечества Гоголь прощал людям все грехи сразу, приняв их на себя, замкнув тем самым проблему человеческой немоготы собой! Россия это, без сомнения, поняла, потому могилу Гоголя перенесли из Даниловского монастыря в центр святости и культурной памяти – Москву.

Оценивая современную значимость Гоголя, нельзя не коснуться ещё одного несправедливого, на наш взгляд, обвинения его в «двойственности». Представляется, эту двойственность биографы часто не понимали в силу одномерных подходов. В частности, Н. Данилевский, учившийся вместе с Гоголем, объяснял ее то состоянием здоровья Гоголя, то отсутствием цельности. Иногда критики называли эту «двойственность» «болезнью религиозного, мировоззренческого раздвоения». А. П. Давыдов, например, присутствие крайностей в произведениях Гоголя трактует как основной признак «русскости» писателя [8]. На самом деле крайности вовсе не являются признаком Отечественной культуры. Ибо и в Отечественной культуре, и у Гоголя они определяют всего лишь диапазон возможностей – пространство вместимости культуры.

Никак нельзя согласиться и со вторым предположением А. П. Давыдова о том, что Гоголь искал среди «амбивалентных ценностей срединный синтез противоположными средствами». Во-первых, потому что почти всегда сюжет Гоголя выстраивается как усиление отрицания возвратного бытия, иначе оно не выглядело бы столь убого. Во-вторых, потому что синтез с бесосновностью выглядел бы как перемирие с сатаной. Для непримиримого Гоголя (характеристика В. В. Розанова [9]) это было невозможно, как, впрочем, и для Ф. М. Достоевского. Либо человека, либо человеческого. В противном случае – омертвление жизни. Всё напряжение от того, что надо было ответить на этот «проклятый» вопрос: *как из абсурда прорваться к абсолютам творящего бытия?*

Интересно, что сам Гоголь писал об этом с ясным пониманием и вполне спокойно: «Я соединил в себе две природы и преследовал жизнь в ее неприглядной действительности, а не в мечтах воображения» [4, с. 112]. И, с другой стороны, он говорит: «О, как отвратительна действительность! И что она такое против мечты? – Из-под самых облаков, да

прямо в грязь!» [10, с. 213]. Мы должны констатировать, что двойственность Гоголь принял достойно, преодолев ее дважды, отрицая бездуховность всем своим творчеством и своим самостоянием живого индивидуального существования, в пространстве от «облаков до грязи»!

Понятно, что он тяготился этим разладом между мечтой и тем, что видел вокруг себя, и потому не мог уйти от здоровой критики существующего. Взгляд его одновременно был обращен в бездонный омут человеческой пошлости, где «кишмя кишат» вечные собакевичи, плюшкины, чичиковы, коробочки, а «глазами души» (термин М. К. Мамардашвили) – в «Мир Должного». В результате Гоголь непрерывно оказывался в силовом поле противоречий добра и зла, действительного и возможного миров. И это поле противоречий и страстей он непрерывно замыкал на себя через *долг* и *служение*.

Сегодня становится ясно, что именно от постановки и осознания проблемы двойственности индивидуального человеческого существования русская литература сначала вслед за Гоголем, а потом вслед за Достоевским и Толстым, которых тоже обвиняли в двойственности, поднялась до последних *онтологических проблем человеческого существования*, где найден был выход к таким абсолютам созидания, как творчество, любовь, красота и свобода. Это и сделало ее всемирной, а проблемы, поставленные ею, – мировыми.

Наука несколько позже назовет двойственность биосоциальной природой человека, а философия поставит задачу социального рождения и отдельно создаст науки об обществе, культуре и антропологию с целью преодоления двойственности, а кроме того, напомнит, что в истории религий тоже зафиксирована двойственность как необходимость двух рождений человека: порочного – биологического и непорочного – социального зачатия, под которым в христианстве и понимается необходимость индивидуального рождения личностных начал, без которых нет продолжения ни культуры, ни истории, ни общества.

У Гоголя находим пояснение о том, что все чиновники – это наши страсти, а ревизор – совесть, смех – обнаружение недостатков, которые есть внутри у каждого. К слову, К. Мочульский очень точно подметил, что если бы Гоголь «разоблачал только николаевскую Русь, он так и остался бы в своем времени вместе с В. Белинским, Н. Добролюбовым, Н. Чернышевским, но ему суждено было круто повернуть всю русскую литературу к проблемам религиозным» [11, с. 436], т.е. человеческим. Религия для России и была исторической технологией человечности, этот смысл составит потом глубину идеи В. Соловьёва о соединении церквей, ибо религию в России всегда понимали не как объяснение мира, а как особый способ жизни и служения человека. Разговор человека с Богом во всех церквях России до сих пор так и называется – *Служба*.

Думается, именно эту философскую проблему человека и его служения у Гоголя определили как нравственное основание и назначение, на-

пряженность нравственного ядра, задав глубину чувств, высоту сознания и ответственности человека за индивидуальное зло. В России нет от рождения ни типов, ни архетипов, ни богоизбранных, ни богоотверженных. Есть «необходимость себя» (М. К. Мамардашвили), которую не обойти. И от того, может быть, вся история духовной работы не безрезультатна.

Все великие трагедии духа были не напрасными, потому что были наполнены таким самостоянием. На западе: Августин, Данте, Кьеркегор, Паскаль, Ницше, Свифт, Кафка; у нас: Гоголь, Соловьёв, Достоевский, Толстой, Шестов, Розанов, Бердяев – все имели в начале своего поиска мечту: раскрыть тайну жизни и назначения человека. И все осуществили ее в личном самостоянии. Из их опыта складывается сегодня онтология человечности – матрица человеческого бытия, «мудреет» философия, вновь открывая историческое пространство неосвоенного бытия, вновь делая невозможное возможным.

Поскольку жизнь непрерывно подбрасывала материал о несовершенствах, хрупкости и негарантированности человеческой природы, сегодня мы понимаем замысел Гоголя, который, безусловно, стремился к абсолютным решениям. Полагаем, что *«Мёртвые души» и появились как абсолютное отрицание небытия и подготовка пространства для бытийных форм жизни*. По содержанию, целям и результатам это была чистая философия, но в нетрадиционной форме. Это была русская философия, понятная, бескомпромиссная и изначально навсегда прикрепленная к человеку, нацеленная на индивидуальное существование. Она не отрицала европейский рационализм. Однако для решения проблем надвигающегося кризиса человека инструментарий рационализма оказался недостаточным, поэтому, чтобы обозначить масштабное понимание проблемы, пришлось спуститься к чувствам и образам, что и сделал Гоголь. Не случайно после него *человек становится основной детерминантой преобразовательных процессов в обществе, определяющих новое качество существования*.

Если учесть величие идей, определяющих продолжение человеческого существования и критику причин, несущих гибель божественных начал, то вся Западная философия сознания становится только частью русской философии человека. И *гоголевский критерий «умение соединять людей»* находится здесь как раз на острие поиска и *демонстрирует принципиальную особенность этой философии*. Если люди соединяются во имя светлых целей, становится возможным всё. Очевидно, что через этот критерий проходит и различие типов культур Европы и России: индивидуалистической и соборной.

Нельзя не видеть и того, что *именно после Гоголя*, обнаружившего масштабность трагедии духа, мыслящая Россия не могла ни о чем думать, как о том, что делать с этими живыми еще людьми, но с мертвыми душами, выглядевшими страшнее мертвых. Это и определило потом объемы работы по реорганизации всех форм общества. После Гоголя в

начавшемся брожении умов проблема индивидуального существования становится центром смыслового исторического пространства и решается уже по-русски, как *кризис человечности*. Более того, это индивидуальное существование человека становится важнее общественных и даже мировых проблем.

После Гоголя вся *русская философия Серебряного века приходит к реабилитации субъективного начала в истории и необходимости универсальной исторической реорганизации культуры*, подведя под нее культуру индивидуального существования, обозначив, тем самым, *исторический способ доопределения бытия и необходимость реорганизации самого организующего начала культуры* – человека. Эти вопросы и составят суть философии Серебряного века. Именно она откроет потом *новое смысловое пространство истории*, ответив на проблемы, поставленные Гоголем. (У М. К. Мамардашвили смысл так и определяется, как соединение мыслей.) Критерием этого нового пространства станет личность – высота культуры индивидуального существования человека, которая достигается через долг и служение. *А критерием самой личности станет непрерывность творчества как личная способность продолжения личностной культуры России.*

Таким образом, Русь вернула свой Долг понимания Гоголю. Дело осталось за малым: реализовать мечту Гоголя о Личностной России на практике. Это возможно, потому что всё, что достигнуто сегодня в истории, есть результат такой личностной работы. Значит есть и образцы. Значит по-прежнему возможна и Личностная Россия!

Литература

1. Гоголь в русской критике : антология / сост. С. Г. Бочаров. – М. : Фортуна ЭЛ, 2008. – 714 с.
2. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский ; сост. П. В. Алексеев. – М. : Республика, 2005. – 367 с.
3. *Ильин В. Н.* Вавилон и Иерусалим : демоническое и святое в литературе / В. Н. Ильин. – СПб. : Русский мир, 2011. – 718 с.
4. *Марголис Ю. Д.* Книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» : основные вехи истории восприятия / Ю. Д. Марголис. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – 235 с.
5. Гоголь как явление мировой литературы : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя (31 октября – 2 ноября 2002 г.) / отв. ред. Ю. В. Манн. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – 393 с.
6. *Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления / М. К. Мамардашвили. – М. : Моск. шк. полит. исследований, 2000.
7. *Мамардашвили М. К.* Необходимость себя / М. К. Мамардашвили. – М. : Лабиринт, 1996. – 432 с.
8. *Давыдов А. П.* Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа / А. Давыдов. – М. : Новый хронограф, 2008. – 262 с.
9. *Розанов В. В.* Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях / В. В. Розанов. – М. : Слово / Slovo, 2001. – 773 с.

10. Николай Васильевич Гоголь : энциклопедия / сост. Б. В. Соколов. – М. : Эксмо : Алгоритм : Око, 2007. – 731 с.

11. Мочульский К. Гоголь, Соловьёв, Достоевский / К. Мочульский – М. : Республика, 1995. – 606 с.

Международный институт компьютерных технологий

Вахренева П. Е., доктор философских наук

E-mail: vpedfn@mail.ru

International Institute of Computer Technologies

Vahreneva P. E., Doctor of Philosophical Sciences

E-mail: vpedfn@mail.ru